

«ШИКАРНЫЕ» ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ И НОВЫЕ КОНФИГУРАЦИИ ВОСПРИЯТИЯ ИСТОРИИ РЕВО- ЛЮЦИИ И РАННЕЙ РЕСПУБЛИКИ В США

А. С. Ходнев

Труды по истории Революции и ранней Республики в США отличает идея исключительность опыта США. В начале XXI в. появился новый тренд «Шика основателей» в биографиях первого поколения политиков США. Книги снискали большую популярность, но отличались роскошным и пышным стилем изложения жизнеописаний известных исторических героев. Академическая историография в США откликнулась на появление далеких от реальной и проверяемой по первоисточникам историй с большим опозданием. Новые агиографии примиряют людей с различными политическими взглядами, хотя этот тренд связан с подъемом консервативной волны. Это свидетельствует, что общество США находится в состоянии поиска нового гражданского мифа по истории.

Ключевые слова: «Шик основателей», восприятие истории, исключительность, консервативная волна, массовая культура, академическая и популярная история

Books on the history of the Revolution and the Early Republic in the USA are distinguished by the idea of exceptional U.S. experience. The new trend «Founders Chic» appeared in the biographies of the first generation of U.S. politician sat the beginning of the 21st century. The books gained great popularity, although they had luxurious and magnificent style of presentation of the biographies of famous historical heroes. Academic historiography has responded to the emergence of stories that are far from real and verified from primary sources with great delay in the USA. New hagiographies are reconciling people with different political views, although this trend is associated with the rise of a conservative wave. This suggests that U.S. society is in a state of search for a new civic myth in history.

Key words: «Founders Chic», the perception of history, exceptionality, conservative wave, popular culture, academic and popular history

DOI: 10.32608/1010-5557-2020-2020-249-264

Ходнев Александр Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории. ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского».

История Соединенных Штатов с момента своего появления вызвала большой интерес и дискуссии в разных слоях населения. Исследователи подчеркивали важность истории основания США для объединения американцев и выковывания национальной идентичности в молодой стране. Дэвид Глассберг объяснил узловое значение истории для формирования американской идентичности тем, что нация состояла из иммигрантов, у которых была своя культура и история. Следовательно, чтобы как можно скорее стать американцами, иммигранты должны были быстро впитывать удобоваримые представления о новой родине. История в этом процессе играла главную роль. Д. Глассберг подчеркивал, что в XXI в. с «возросшей глобальной мобильностью людей и идей по всему миру, в том числе и через виртуальное пространство Интернета, поворот к истории, как якорю личной, групповой и семейной идентичности только возрастет»¹.

Таким образом, представления, касающиеся истории США, составляют важную часть приватного пространства гражданина, становятся предметом его размышлений и раздумий о прошлом. В США процесс интереса к общенациональной, федеральной истории, проявивший себя в публичной сфере, постоянно набирает силу. Профессиональные историки и журналисты периодически отвечали на этот запрос серьезными публикациями и конструированием исторических мифов и символов, которые должны были объединять американское общество. Это было особенно заметно в эпохи кризисов: Гражданской войны (1861–1865), Великой депрессии, Второй мировой войны и «холодной войны». Известный французский историк Марк Ферро достаточно резко оценил восприятие образов истории в США: «Нет в мире другой страны, где существовал бы больший разрыв между мудрствованиями узкого круга исследователей-историков и рудиментарным уровнем распространяемого массовым порядком исторического образования»². Ферро предположил, что эта особенность была связана с тем, что в США сложилось чрезмерно демократическое общество, в котором «удовлетворяются потребности каждого из сегментов общества и одновременно предупреждаются все попытки “грамотеев” навязать свои представления из опасения, что они возродят для себя привилегии»³.

Главные идеи, которые должна была нести история США гражданам, да и всему миру, содержали некоторые общие сквозные и постоян-

¹ *Glassberg D.* Sense of History: The Place of the Past in American Life. Amherst (Mass.), 2001. P. 208.

² *Ферро М.* Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992. С. 293.

³ Там же.

ные принципы. Лидеры Войны за независимость и Революции XVIII в. верили, что Америка несет миру некие универсальные принципы, которые необходимо повторить всему миру⁴. Таким образом, в истории Революции и ранней Республики в США часто подчеркивалась необычность этого события. Американская революция часто была представлена в историографии США как исключительное явление в истории человечества. Американские идеологи часто выдвигали доктрину *мессианизма*⁵. *Исключительность* опыта США и *мессианизм* стали не только позициями политиков, но их стараются внедрить как убеждения для формирования национальной идентичности.

Массовая культура является неотъемлемой частью жизни Соединенных Штатов. Более того, многие исследователи полагают, что именно эта страна стала местом появления массовой культуры, и отсюда она распространила свои формы по всему миру. Она формирует повсюду вкусы большинства людей в обществе. С середины XX в. массовая культура настолько выросла, что превратилась в нечто глобальное, поглощающее, по мнению известного культуролога К.Э. Разлогова, многие другие субкультуры. Следовательно, между массовой культурой и субкультурами, включая не только региональные и национальные, но и высокую культуру, или культуру меньшинства, «субкультуру интеллектуалов»⁶, сформировались сложные взаимосвязи и отношения.

Массовая культура не может не оказывать своего влияния на восприятие истории в обществе США, историческую память, формирование социальных идентичностей. Кроме того, в США в конце XX в. и в начале XXI в. меняется коммуникация историков с обществом. С одной стороны, на первый план выходит стремление историков написать такие нарративы, которые рассчитаны на максимально широкий круг потребителей и на коммерческий успех. Эти тексты отличаются простотой форм подачи материала, они должны быть понятны и «приятны» большинству общества. С другой стороны, в США стала заметной тенденция прихода в историю непрофессионалов: журналистов, литераторов, режиссеров, реконструкторов и т.д. Появилась возможность быстрого распространения материалов по истории в социальных сетях. В эпоху Интернета меняется отношение к музеям, выставкам, историческим паркам, памятникам. Все это разнообразие существования истории создает некую головоломку-пазл для профессионального историка. Д. Глассберг поставил в 2001 г. важный вопрос:

⁴ Согрин В.В. 1776-й и 1917-й: Американская и Российская революции в глобальной истории // США и Канада: экономика, политика, культура. 2017. № 9. С. 6.

⁵ Там же. С. 7.

⁶ Разлогов К.Э. Метаморфозы идентичности // Вопросы философии. 2015. № 7. С. 33.

«Что будет означать быть историком в новом веке?»⁷. Одним из ответов на него стало появление на рубеже XX–XXI вв. трудов особой группы историков, книги которых метко назвали историографией «шика основателей».

Историк Г.У. Брэндс объясняет появление данного направления в историографии США «антилиберальной реакцией, которая началась с Рональда Рейгана и продолжается сегодня»⁸. Действительно, консервативная волна, связанная с именем Р. Рейгана, была, по оценке В.Н. Гарбузова, хорошо «подготовленной, закономерной и потому успешной»⁹. Консервативные историки, добившиеся известности в 1980-х гг., резко активизировали свою деятельность в противовес концепциям и политике президента Б. Клинтона в конце 1990-х гг. и вновь подняли проблемы исключительности и мессианизма истории Революции и ранней Республики в Америке.

Жанр «шика основателей» появился в американской историографии в начале 2000-х гг. с публикацией двух известных книг «Братья-основатели» Джозефа Эллиса¹⁰ и «Джон Адамс» Дэвида Маккалло¹¹. Обе книги были написаны мастерами биографий первой величины, отличались великолепным литературным стилем и вызвали огромный читательский интерес. Оба автора – выпускники Йельского университета. Однако стоит заметить, что Дж. Эллис получил степень по истории, а Д. Маккалло – по литературе.

Появление нового тренда историк Дэвид Уалдстрейчер метко окрестил «шиком основателей» («Founders Chic»)¹². Направление было представлено популярными изданиями парадных, глорифицированных биографий отцов-основателей США на фоне невиданного развития новых медиа, в которых их рекламировали. Речь идет о роскошном и пышном стиле изложения жизнеописаний известных исторических героев, а заодно и всей эпохи Американской революции и ранней Республики. Замечу, что в это же время академическая историография США развивалась в направлении отступления от подчеркивания значения деятельности только отцов-основателей и подвигалась к более глубокому изучению роли народа, широких масс в процессе становления страны. Однако новый жанр «шика основателей» прославлял исключительно отдельных героев за создание страны, за те хорошие

⁷ Glassberg D. Op. cit. P. 205.

⁸ Brands H.W. Founders Chic // The Atlantic. 2003. Vol. 292. No. 2. P. 107.

⁹ Гарбузов В.Н. Американские консервативные волны // США и Канада: экономика, политика, культура. 2016. № 5 (557). С. 5.

¹⁰ Ellis J.J. Founding Brothers: The Revolutionary Generation. N.Y., 2000.

¹¹ McCullough D. John Adams. N.Y., 2001.

¹² Waldstreicher D. Founders Chic as Culture War // Radical History Review. 2002. Iss. 84. P. 185–194.

черты современной жизни США и традиции политической системы, которые имеют корни в прошлом. Биографы, связанные с направлением «шика основателей», подчеркивают, что «основатель», выстраивая свою личную судьбу, делал историю и создавал страну.

Исторический миф об отцах-основателях представлял собой значительную часть главного исторического нарратива, в котором группа государственных деятелей и политиков революционного и послереволюционного периода была представлена как олицетворение происхождения американской государственности, республиканизма и демократической культуры¹³. Отцы-основатели воплощали политический миф о происхождении страны, сформулированный на языке родства. Термин «отцы» предполагал традиции, законность и отцовство, и это подчеркивало аллегория семьи, подтверждавшей союз граждан и сплоченность новой нации.

Не случайно выбор новых биографий «шика основателей» падает на те фигуры, которые активно участвовали в создании институтов государства, существующих по сей день. В связи с выделением этой новой группы активных политиков эпохи появления США термин «отцы-основатели» был заменен на «основатели». Последний термин, в свою очередь, был адаптирован из давнего термина «творцы»¹⁴. Согласно новым, никем не утвержденным, критериям «шика основателей», Дж. Вашингтон, Дж. Адамс и А. Гамильтон – звезды первой величины. Фигуры Т. Джефферсона и А. Бэрра рассматриваются как фоновые, но важные. Дж. Мэдисон – это «загадочный характер», а Т. Пейн, С. Адамс остаются в скобках, они не во всем отвечали требованиям тренда «шика основателей»¹⁵. Френсис Коглиано верно заметил, что историки направления «Founders Chic» «слишком сильно увлекались мыслями и действиями небольшой группы элитных людей за счет других политических деятелей и социальных групп»¹⁶. И это справедливо, как верно и то, что у всех основателей были свои «скелеты в шкафах».

Пример возвышения биографий героев революции до уровня агиографии мы можем найти в книге Дж. Эллиса «Братья-основатели». Автор старается уподобить лидеров Революции героям, выполняющим волю богов. Дж. Эллис ссылается на слова нескольких выдающихся американских революционеров, которые будто бы были «актерами исторической драмы, сценарий которой уже был написан богами»¹⁷.

¹³ Heike P. *The Myths That Made America*. Bielefeld, 2014. P. 197.

¹⁴ Ходнев А.С. «История про Америку в то время, рассказанная Америкой нашего времени» // Диалог со временем. 2019. № 67. С. 117.

¹⁵ *Historians on Hamilton: How a Blockbuster is Restaging America's Past* / Ed. by R.C. Romano, C. Bond Potter. New Brunswick (N.J.), 2018. P. 140–141.

¹⁶ Cogliano F.D. *Founders Chic* // *History*. 2005. Vol. 90. Iss. 299. P. 412.

¹⁷ Ellis J.J. *Op. cit.* P. 3.

В революционном поколении было широко распространено мнение, что все они «присутствовали при творении» («present at the creation»)¹⁸. Дж. Эллис обнаруживает, что центральные герои в драме Революции, освобождения от Англии и создания нового государства были «в основном мужчинами, все белые, и эта коллекция общественных деятелей вряд ли была типичной для населения в целом... Они были первой в Америке и, во многих отношениях, ее единственной естественной аристократией»¹⁹. Все их действия выходили, по мнению Эллиса, за рамки поведения простых людей в обстоятельствах кризиса, они были мудрее остальных и видели дальше. Революционное поколение основателей являлось единым коллективом: они часто встречались и проводили много времени друг с другом, они писали друг другу длинные письма как по личным, так и по общественным темам. Несмотря на соперничество и разногласия, между ними существовала полная дружба. Чтобы доказать, что основатели выстроили весьма тесные отношения, выходящие за рамки дружеских, и что они были, на самом деле, «братьями-основателями», Дж. Эллис применяет слова из Библии: «Они преломили хлеб»²⁰.

Г.У. Брэндс, написавший в это же время биографию Бенджамина Франклина²¹, которая вместе с книгами Д. Маккалло и Дж. Эллиса попала в топ-лист бестселлеров, резко выступил против мифологизации образов основателей. Г.У. Брэндс в ответ на утверждение Дж. Эллиса о том, что основатели были аристократами, приводит многочисленные случаи их отнюдь не аристократического и братского поведения по отношению друг к другу и к обществу: «Основатели были кем угодно, только не полубогами как в отношениях между собой, так и для своих современников»²². Например, Дж. Вашингтон был очень надменным человеком, нетерпимым к критике в прессе и обществе. Дж. Адамс, Т. Джефферсон и А. Гамильтон не только постоянно конфликтовали между собой, но и не стеснялись публично использовать непарламентскую лексику в оценках друг друга²³. Иными словами, Г.У. Брэндс показывает, что основатели не были ни полубогами, ни теми, кого Дж. Эллис характеризовал как «американскую естественную аристократию». Аристократы не так воспитаны, чтобы не принимать критику, когда они занимают общественные должности, принимать законы, запрещающие критические высказывания в адрес власти, или ссориться друг с другом по пустяковым вопросам и осыпать друг друга оскорблениями.

¹⁸ *Ellis J.J.* Op. cit. P. 4.

¹⁹ *Ibid.* P. 13.

²⁰ *Ibid.* P. 17.

²¹ *Brands H.W.* *The First American: The Life and Times of Benjamin Franklin.* N.Y., 2002.

²² *Brands H.W.* *Founders Chic // The Atlantic.* 2003. Vol. 292. No. 2. P. 101.

²³ *Ibid.* P. 101–102.

Книгу Д. Маккалло «Джон Адамс», как уже говорилось, также относят к жанру прославления «шикарных основателей». Третья глава, посвященная истории принятия Декларации независимости летом 1776 г., носит наименование «Колосс независимости»²⁴. Колоссом Д. Маккалло назвал Дж. Адамса. Его роль при обсуждении текста Декларации независимости хорошо известна, он входил вместе с пятью другими делегатами Континентального конгресса в комиссию и внес в текст несколько поправок²⁵. В книге Д. Маккалло Адамс преобразуется в героя-спасителя голосования по вопросу о независимости: «<...> все молчали, кроме дождя, который начал стучать в окна. Никто не говорил, никто не вставал, чтобы ответить, наконец, Адамс решил говорить»²⁶. Маккалло пишет, что Адамс не обладал классическим ораторским даром, однако он говорил логично, и в речи чувствовалась историческая важность момента. В передаче Д. Маккалло, Адамс, «заглядывая в будущее, увидел новую нацию, новое время, все в духе строчек из недавнего письма к другу»²⁷. Поскольку известно, что никто не вел никаких протоколов или записей того заседания, Маккалло реконструирует речь Дж. Адамса по другим источникам, т.е. включает в текст некий придуманный нарратив. Это была историческая дискуссия, по мнению автора книги, и «Джон Адамс был тем, кто более чем кто-либо, сделал это [независимость] возможным»²⁸. Маккалло вслед за Дж. Адамсом считал, что «рука Бога была вовлечена в рождение новой нации», и что «это воля небес, чтобы две страны были расколоты навсегда»²⁹. Следовательно, Д. Маккалло повторяет тезис о незаурядности и исключительности процесса создания США.

Колумнист из журнала «U.S. News & World Report» Д. Герген уловил в августе 2001 г. настроения многочисленных почитателей таланта Д. Маккалло и связал обе книги (Д. Маккалло и Дж. Эллиса) с особым отношением американцев к своей истории: «Является ли совпадением то, что история Джозефа Эллиса “Братья-основатели” также входит в список бестселлеров в эти дни?»³⁰ Д. Герген сообщал о невероятно больших тиражах книги Д. Маккалло «Джон Адамс». Было продано уже в 2001 г. около 1 млн экземпляров³¹. Политики разных направлений: Дж. Буш и Б. Клинтон дали восторженные отзывы о книге Маккалло.

²⁴ *McCullough D.* Op. cit. P. 125.

²⁵ История США / Под общ. ред. Г.Н. Севостьянова: в 4 т. М., 1983. Т. 1. С. 133.

²⁶ *McCullough D.* Op. cit. P. 126.

²⁷ *Ibid.* P. 126–127.

²⁸ *Ibid.* P. 129.

²⁹ *Ibid.* P. 130.

³⁰ *Gergen D.* A Blast from the Past // U.S. News & World Report. 2001. August 6. Vol. 131. Iss. 5. P. 56.

³¹ *Ibid.*

Популярный ведущий телевизионных программ Т. Броко читал книгу Д. Маккалло вслух жене Мередит, а простой «водитель грузовика остановил Маккалло на улице, чтобы сказать, что он прочел половину его книги»³². Д. Герген подчеркивал, что Д. Маккалло сумел нарративом о Дж. Адамсе, не очень прославленном среди президентов США, задеть важные рецепторы и струны американской души: «...биография Адамса проникла во что-то более глубокое в американской душе, страстно чего-то желающей. Можно предположить, что многие из нас чувствуют, что сегодня в общественной жизни мы теряем наши якоря, что живем в скромные, незначительные времена, слишком часто окружены мелкими людьми»³³. Американцы находились в состоянии поиска устойчивости в своем прошлом, обращались к основателям и другим героям Революции и ранней Республики, «которые освежали понимание того, что значит быть американцем, и побуждали снова испытать глубокое волнение в путешествии в истории, которое прошли как народ»³⁴.

Тем не менее в некоторых влиятельных изданиях достаточно жестко критиковались объективность интерпретации в книгах Дж. Эллиса и Д. Маккалло. Например, в статье в журнале «The Wilson Quarterly» подчеркивалось, что уже в эпоху Революции и ранней Республики основатели часто встречали испепеляющую критику. Дж. Адамс был высмеян как тучный тиран, а Т. Джефферсона называли аморальным безбожником. В начале XIX в. репутацию основателей в обществе часто связывали с их провалом в решении двух главных проблем: вопроса об отмене рабства и неясной трактовкой распределения власти между штатами и центральным правительством. К 1960-м гг. репутация основателей опять упала, однако антилиберальная реакция в 1980-х гг. помогла вернуть ее опять³⁵.

В 2008 г. по книге Д. Маккалло создали мини-сериал «Джон Адамс». Это стало важным событием не только для американского зрителя, но и для дальнейшего укрепления позиций патриотического нарратива историков «шика основателей». Американская сеть кабельного и спутникового телевидения премиум-класса НВО (Home Box Office) профинансировала мини-сериал, а одним из его исполнительных продюсеров стал страстный почитатель телевизионных исторических драм Т. Хэнкс³⁶.

³² *Gergen D.* Op. cit. P. 56.

³³ *Ibid.*

³⁴ *Ibid.*

³⁵ *The Cult of the Founders // The Wilson Quarterly.* 2003. Vol. 27. No. 4. P. 87–88.

³⁶ *Bianculli D.* The Miniseries: A History Lesson // *Broadcasting & Cable.* 2008. March 17. P. 16.

В литературе имеется несколько важных наблюдений, описывающих общий культурный контекст восприятия истории американцами. И это имеет значение для понимания причин появления жанра «шика основателей» в начале XXI в. Уже в течение нескольких десятилетий ученые-историки интересуются проблемой осмысления американцами своего прошлого. Многие из этих исследований отражали политическую культуру эпохи и обнаруживали интерес к образам истории как основы групповой идентичности и сплоченности: мифам и символам, которые объединяли американское общество. Д. Глассберг полагал, что современные представления об истории выросли в XX в. в эпоху Великой депрессии, Второй мировой войны и «холодной войны»³⁷.

Интерес к осмыслению исторической миссии Америки вырос с вовлечением страны в войну во Вьетнаме и сохранялся некоторое время после фиаско США. Д. Глассберг высказывает гипотезу о том, что научный интерес к деконструкции преобладающих версий истории, раскрывающих процессы, посредством которых «некоторые интересы и переживания <...> трансформируются и включаются в идеологические контексты, определяемые доминирующими классами, в то время как другие исключаются, подавляются и социально обесцениваются, является ответом на использование исторических образов Рональдом Рейганом таким образом, чтобы американцы не видели правду о своем прошлом и настоящем»³⁸.

Начало 1990-х гг. — это время сравнительно вялого интереса к изучению образов и осознания американцами эпохи Войны за независимость и ранней Республики. Проявляются и оказывают давление другие образы популярных массовых представлений об истории: Война во Вьетнаме и миссия США в мире («Американский век»), «холодная война», Вторая мировая война.

Рубеж 1990-х — начало 2000-х гг. — это не только новый важный в культурном отношении *fin de siècle*. Это эпоха массового проявления множества новых идентичностей. По мнению Д. Глассберга, к концу XX в. рост институтов, занимавшихся историей, и их активность существенно выросли. За столетие американцы накопили огромную коллекцию исторических мест (*public historic sites*), исторических праздников, дат, музеев. Все они были предназначены для постижения истории и напоминания о разных аспектах прошлого³⁹.

Такое изобилие активности публики в области истории стало следствием нескольких факторов. Первый из них — рост в последние десятилетия XX в. различных организованных групп людей, объединившихся

³⁷ *Glassberg D. Sense of History. P. 206.*

³⁸ *Ibid.*

³⁹ *Ibid.*

по интересам расового, этнического, религиозного, ветеранского, гендерного, людей с ограниченными возможностями и иного характера. Они приобрели достаточное экономическое и политическое влияние. Главное, у них появилась своя идентичность. И они стали требовать признания роли этих групп в прошлом вместе с теми, кто занимал все пространство американской истории ранее: в основном это были мужчины-герои белого происхождения⁴⁰.

Вторая группа причин, изменивших отношение в американском обществе к истории, – банальная, капиталистическая прибыль. Местные власти полагают, что создание мест памяти привлекает больше туристов. Их приток во многих штатах рассматривается как возможность восполнить рабочие места и занятость, после того как в регионе закончился бум развития сельского хозяйства или промышленности⁴¹. Постиндустриальное общество, таким образом, дружит с историей.

Существуют разные представления о том, как американцы понимают свою историю. М. Ферро обратил внимание на одну существенную черту взгляда американцев на мир, возможно, связанную с особенностями развития этой страны. Для них местные новости, новости своего города, своего графства важнее остальных. Затем идут новости штата, и далее – новости страны. Большая часть новостей на американском телевидении – это информация о конкретном штате и Соединенных Штатах⁴². Возможно, такая особенность представлений американцев о мире оказывает решающее влияние и на историческую память, и формирование представлений об общей истории страны. Иными словами, для многих граждан США важнее локальная и региональная история, чем то, о чем повествует «гранд нарратив».

Однако российские историки И.М. Савельева и А.В. Полетаев, опираясь на опросы и исследования американских историков Д. Тилена и Р. Розенцвейга, утверждали, что существуют несколько иные приоритеты простых жителей США в области истории: «Оставляя пока в стороне семейную и этническую истории, о которых мы поговорим чуть ниже, отметим невысокую оценку респондентами значимости локальной истории по сравнению с национальной»⁴³. Это любопытное наблюдение, и оно не совпадает с оценками М. Ферро о центральной значимости региональных и локальных новостей для американцев, и, следовательно, большой привлекательности локальной истории.

⁴⁰ *Glassberg D. Sense of History. P. 207.*

⁴¹ *Ibid.*

⁴² *Ферро М. Указ. соч. С. 292.*

⁴³ *Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом, или знают ли американцы историю. М., 2008. С. 153–154.*

В опросе (1970), на который ссылаются И.М. Савельева и А.В. Полетаев, на первом месте (21%) стоит тема «Американская революция, основание страны, Конституция США», на втором (15%) – «Гражданская война в США и реконструкция». Однако следует обратить внимание на то, что среди тех же респондентов 22% заявили: «Изучение истории не важно»⁴⁴.

Школьная история – это еще одна важная составляющая социокультурного контекста восприятия прошлого американцами. Новые стандарты в области исторического образования и смену системы образования, нацеленную на получение определенных результатов в виде отобранных знаний или навыков, умений и компетенций, стали обсуждать в США с начала 1990-х гг. При этом многие утверждали, что сама по себе централизованная учебная программа противоречива, и она фокусирует образовательный опыт школьников на небольшом наборе основополагающих периодов, событий и текстов. Это вело, как заявляли противники реформы, к утрате «множественности исторического образования», а новое «поколение будет обучено ограниченному набору проблем и событий»⁴⁵.

Об идеологических и политических войнах вокруг единой программы истории в США и законе «Цели 2000 в области образования» имеется публикация российского историка Ю.В. Кузнецова⁴⁶. Закон «Цели 2000» предусматривал, чтобы к 2000 г. «все учащиеся, выпускающиеся из 4, 8 и 12 классов, должны продемонстрировать свою компетентность в истории и географии», а также каждая школа в США должна подготовить всех учащихся к «самостоятельному критическому мышлению» и выполнению роли «ответственного гражданина»⁴⁷. Ю.В. Кузнецов показал, как развивалась дискуссия вокруг новых стандартов, и какую роль сыграла публикация Л. Чейни в «Уолл-Стрит Джорнэл» под заголовком «Конец истории». Это был консервативный манифест с призывом «консолидировать общественные силы для того, чтобы не допустить принятия стандартов, предлагающих “ревизионистскую историю”»⁴⁸. Эта дискуссия оказывала влияние не только на интересы широкой публики к истории Революции и ранней Респуб-

⁴⁴ Там же. С. 152.

⁴⁵ *Groot de J.* Consuming History: Historians and Heritage in Contemporary Popular Culture. London; N.Y., 2009. P. 40.

⁴⁶ См.: *Кузнецов Ю.В.* Полемика вокруг национальных стандартов по истории в контексте «культурных войн» в США в конце XX века // *Американистика: актуальные подходы и современные исследования / Межвузовский сборник научных трудов*; под ред. Т.В. Алентьевой, М.А. Филимоновой. Курск, 2017. С.240–255.

⁴⁷ Goals 2000, H.R.1804-7. Goals 2000: Educate America Act // One Hundred Third Congress of the United States of America. 1994. 25 January.

⁴⁸ *Кузнецов Ю.В.* Указ. соч. С. 247.

лики, но и на выбор авторами тем для новых книг и концептуальных основ интерпретации. В определенной мере полемика в защиту ценностей консервативной волны в области исторического образования влияла на появление тренда «шика основателей».

К началу 2000-х гг. споры вокруг преподавания истории, казалось, успокоились. Однако идея школьных стандартов осталась и была реализована в 2009–2012 гг. в виде принятия отдельными штатами «Common Core» («Общие базовые государственные стандарты»)⁴⁹. Следует согласиться с выводом Е.Е. Вяземского о том, что «задача развития исторического сознания школьников является приоритетом для многих стран. Общей тенденцией для систем образования в России и странах Запада (особенно США) является признание важной роли исторического образования как фактора гражданского воспитания»⁵⁰.

Волна большого интереса к истории в США не спала и во втором десятилетии XXI в. Меган О'Грэйди связала в статье, опубликованной в мае 2019 г., этот феномен с временем неуверенности и желанием заглянуть в историю, чтобы как-то понять современность из образов прошлого⁵¹. Об этом свидетельствует история появления мюзикла «Гамильтон» и развернувшееся движение за преподавание истории в школах с использованием этого нового произведения.

Книгу Рона Черноу «Александр Гамильтон»⁵², на основе которой Л.-М. Миранда и создал мюзикл, можно с полным основанием отнести к жанру «шика основателей». Выпускник Йельского университета и Кембриджа, Р. Черноу прославился, получив национальную книжную премию в 1990 за первую книгу «Дом Морганов» («The House of Morgan»). Он продолжал исследовать биографии крупных банкиров и бизнесменов до написания биографии А. Гамильтона. Отметим, что до этого проекта Р. Черноу не изучал историю XVIII в. Тем не менее книга «Александр Гамильтон» была встречена положительными рецензиями, в которых не было намека на попытку рассмотрения признаков «шика основателей».

Р. Черноу утверждал, что А. Гамильтон заслуживает положительной оценки за то, что он «был в высшей степени двойным вызовом среди отцов-основателей: и мыслитель, и исполнитель в одном лице, сверкающий теоретик и мастеровитый исполнительный менеджер. Он и

⁴⁹ Common Core State Standards. Grades 11–12 ELA/History/Social Studies. Washington (D.C.), 2010.

⁵⁰ Вяземский Е.Е. Национальные образовательные стандарты по истории: западный опыт // Новая и новейшая история. 2011. № 6. С. 119.

⁵¹ O'Grady M. Why Are We Living in a Golden Age of Historical Fiction? // The New York Times Style Magazine. 2019. May 5 (<https://www.nytimes.com/2019/05/07/t-magazine/historical-fiction-books.html/>).

⁵² Chernow R. Alexander Hamilton. N.Y., 2004.

Джеймс Мэдисон были главными движущими силами, выступавшими за созыв Конституционного конвента и главными авторами этой классической, блестящей национальной хартии – “Федералист”, написанием которой руководил Гамильтон»⁵³. Если Джефферсон сотворил «существенную поэзию американского политического дискурса, то Гамильтон создал прозу американского государственного управления»⁵⁴. Р. Черноу подчеркнул еще одно важное обстоятельство в биографии А. Гамильтона, не оцененное по достоинству ни современниками, ни последующими поколениями. А. Гамильтон задал архетип успешного иммигранта. По оценке Р. Черноу, никто, за исключением Дж. Вашингтона, не стоял ближе к эпицентру американской политики с 1776 по 1800 г. или появлялся в ее поворотных моментах⁵⁵. «Больше, чем кто-либо другой, вездесущий Гамильтон гальванизировал, вдохновлял и шокировал новорожденную нацию, выступая в качестве плацдарма для непрекращающихся конфликтов классов, географии, расы, религии и идеологии»⁵⁶, – заметил Р. Черноу.

Р. Черноу полагал, что начало XXI в. – благоприятное время для пересмотра биографии А. Гамильтона, поскольку он был пропагандистом капиталистической революции в Америке. По мнению Р. Черноу, он был в XVIII в. Пророком будущего, в котором американцы живут сейчас:

«Мы оставили позади розовую аграрную риторику и рабовладельческую реальность демократии Джефферсона и живем в оживленном мире торговли, промышленности, фондовых рынков и банков, которые Гамильтон предвидел. Он также стал бесспорным провидцем в предвидении формы и полномочий федерального правительства»⁵⁷.

Черноу доказывал, что Гамильтон выступал за создание в Америке динамичной исполнительной власти, независимых судов, профессиональных вооруженных сил, центрального банка с развитой финансовой системой. Современное поколение американцев – это преемники Гамильтона, и, по мнению Р. Черноу, нельзя отказаться от его наследия, потому что это означало бы «во многих отношениях, отказаться от современного мира»⁵⁸. Эти послания увидел в книге Р. Черноу поэт, композитор и исполнитель Л.-М. Миранда и создал в 2015 г. по мотивам этого текста удивительно успешный мюзикл.

⁵³ Ibid. P. 4.

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ Ibid.

⁵⁶ Ibid. P. 4–5.

⁵⁷ Ibid. P. 6.

⁵⁸ Ibid.

Начиная с 2015 г. американские масс-медиа были вовлечены в обсуждение яркого явления популярной культуры, мюзикла «Гамильтон», имеющего все признаки «шика основателей», правда, с определенными оговорками. Дело в том, что в новой версии жизни известного политика конца XVIII – начала XIX в., одного из главных создателей американского государства, фактически создателя и первого руководителя главного банка страны, Александра Гамильтона, ностальгия и национальные чувства современного поколения американцев развернулись в сторону совершенно иной интерпретации. Согласно версии Миранды, и особому подбору актеров для этого спектакля, современные Соединенные Штаты создали эмигранты из Латинской Америки, Карибского бассейна и Африки, а не группа белых, в отношении которой ранее использовали термин «отцы-основатели». Сам автор мюзикла вырос в семье иммигрантов из Пуэрто-Рико. Л.-М. Миранда заявил на одном из концертов в Белом доме в присутствии президента Б. Обамы: «13% нынешнего населения США родились за границей, это почти рекорд за все годы»⁵⁹.

История жизни А. Гамильтона, сначала приукрашенная в книге Р. Черноу, а затем модернизированная в мюзикле Л.-М. Миранды, может стать основой нового общенационального мифа основания страны. Прежний миф, выраженный в романе М. Митчелл и художественном фильме «Унесенные ветром» (1939), был связан с примирением Юга и Севера после Гражданской войны (1861–1865). Известно, что многие отцы-основатели верили в превосходство белых и смирялись с рабством, а поскольку среди основателей было много южан, то исторический миф об этих деятелях стал таким популярным. Именно это обстоятельство – миф об основателях – стало примиряющим Север и Юг после Гражданской войны. Можем ли мы поставить вопрос о смене мифа с образов «Унесенных ветром» на образы и представления из мюзикла «Гамильтон»?

По мнению А. Гордон-Рид, межрасовый кастинг в мюзикле «Гамильтон» нейтрализует трудные вопросы о судьбе цветных в эпоху Революции и ранней Республики. Образы «людей цвета» в качестве отцов-основателей подошли для этого лучше, чем кастинг из белых актеров. Она утверждает, например, что «невозможно не попасть под обаяние актера Кристофера Джексона, исполняющего роль Дж. Вашингтона»⁶⁰.

Однако в результате у молодого поколения американцев формируются образы, далекие от реальной истории XVIII в. Это диссонанс еще более усугубляется новым поворотом в преподавании американской истории в школе. Популярный и авторитетный среди учителей США

⁵⁹ *Miranda L.-M., McCarter J. Hamilton the Revolution. N.Y., 2016. P. 15.*

⁶⁰ *Gordon-Reed A. Legacy. What is a Legacy // History Today. 2016. No. 11. P. 5.*

Институт Американской истории Гилдера-Лермана объявил о программе изучения истории по мюзиклу «Гамильтон». Институт организовал программу переподготовки для учителей, разработал методические пособия, которые внедряют новую методику в школы⁶¹.

Противоречивость исторического материала, на котором была построена сначала книга Р. Черноу об А. Гамильтоне, а затем мюзикл Л.-М. Миранды, должна была продолжить политические споры между консерваторами и либералами в современной Америке. Однако случился совершенно обратный результат. Мюзикл «Гамильтон» снискал одобрение и восхищение как консервативных, так и либеральных политиков. Он отвечал настроениям многих американцев с самыми разными политическими и культурными интересами. Бродвейское шоу помогает конструировать новый «гражданский миф» истории США примиряющий как консерваторов, так и представителей различных оттенков либеральных взглядов. Р. Романо изумленно отметила, что мюзикл «Гамильтон» объединил американцев несмотря на партийные различия, и «сделал это при помощи рассказа об американской истории, предмета, который в последние годы вдохновил горячие конфликты вокруг учебников, музейных выставок и школьных программ»⁶². Положительные оценки бродвейскому мюзиклу высказали президент Б. Обама, а также Б. и Х. Клинтон, Б. Сандерс. Не меньше восторгов «Гамильтон» вызвал у бывшего вице-президента и представителя крайне правых в Республиканской партии Д. Чейни, а также у Дж. Буша-мл. Нынешний вице-президент США, республиканец М. Пенс заявил, что «шоу было невероятным и настоящим удовольствием»⁶³, несмотря на то, что после спектакля актер, исполнявший роль А. Бэрра обратился к нему с политическим посланием, в котором выражалась тревога по поводу планов новой администрации президента Д. Трампа и сохранения американских ценностей⁶⁴.

По всей вероятности, такого примирения политических споров по истории никто из представителей направления «шика основателей» не ожидал. Мюзикл «Гамильтон» еще больше поднял тиражи книг об эпохе Революции и ранней Республики. «Проснулись» многие академические историки: появились новые исследования и публикации документов этого периода. Причина привлекательности истории в мюзикле «Гамильтон» заключается в том, что американцы находятся сейчас в поисках нового «гражданского мифа». На протяжении многих

⁶¹ См.: The Gilder Lehrman Institute of American History 2017 Annual Report. N.Y., 2017. P. 11–13.

⁶² Historians on Hamilton. P. 299.

⁶³ Ibid. P. 297.

⁶⁴ The New York Times. 2016. November 19.

десятилетий эпоха основания страны считалась примером американской исключительности, которая позволяла забыть о многих трудных вопросах истории. Тем не менее следует отметить, что академическая историография в США откликнулась на появление фактически далекой от реальной и проверяемой по первоисточникам истории жизни А. Гамильтона с большим опозданием. Его биография, написанная Р. Черноу с серьезными признаками прославления героя и бренда «шика основателей», не была замечена и глубоко отрецензирована профессиональными историками. Никто не обратил внимания на неточности и смещение оценок А. Гамильтона в направлении глорификации и переноса истории XVIII в. в начало XXI в., а следовательно, значительные проявления презентизма в книге Р. Черноу. Затем появился красивый мюзикл «Гамильтон», затем Институт американской истории Гилдера–Лермана организовал преподавание истории по мюзиклу.

В итоге круг американской истории замкнулся, с одной стороны, на красивом патриотическом нарративе с новым содержанием, отвечающим интересам социальных групп нового поколения, а с другой, — возможно, мы являемся свидетелями появления нового мифа, полезного для американской идентичности. Все это свидетельствует о том, что в США сложились непростые отношения между академической и популярной историей, и эти коллизии нельзя называть ни «золотым», ни «позолоченным» веком истории.